

СТРАНА наша богата прекрасными пианистами: В. Софроничий, Э. Гилельс, Л. Оборин, Я. Заи, М. Гринберг, М. Юдина — В. Ашкенази, Киров, Е. Малинин — перечисльте, их много — разные. Вопрос, волнующий публику, к тому именно валом — всякие конкурсы, — «какой первый пианист?» — на праздный вопрос — «еще» (если вспомнить искусство): Вах, Моцарт, или Брамс; Пушкин, Дюма или Шекспир; Рафаэль, Греко или Тициан?.. И открываешь, что я этого не знаю. В реальном мире мы прежде всего знаем, что Эльбрус — Кавказа, а Монблан — Альп — это можно — Альп — лошади № 1 опережает лошади № 2 — вервь длины головы — не реальное, его можно — (хотя я никогда не видел того бурного восточного коня, которые эта голова) вызывает у. Но как измерить, точнее качественную разницу — духу мира, «высоту» таких явлений — определяем высоту Эльбруса — Гауришанкара? Ведь воспринимается не телесно (измерить) — но эмоционально, скажем — то смысле — «на высоте эмоционально — к искусству стоит знать: о вкусах не спорят», считая, что как раз трудно спорить, так как плохой или хороший).

рассмотрении не очень точные определения, как «классицизм», «романтизм», «импрессионизм», «модернизм» и т. д.

В нашей современной действительности с ее невероятно разросшейся исполнительской культурой особенно напрашивается мысль о значении, решающем значении коллектива. Если в девятнадцатом веке еще можно было говорить, что Лист — единственный пианист, то сейчас обозначить этим прилагательным какого-нибудь живущего пианиста чрезвычайно трудно, если не невозможно. «Вкус» вступает в свои права. И вкусов стало настолько же больше и настолько больше их разнообразий, насколько больше стало пианистов по сравнению с прошлым.

Один из этих «вкусов» — это мой вкус. И вот мой «вкус» (под который я могу подвести весьма солидную идеологическую базу) говорит мне: я знаю и люблю, ценю и уважаю по крайней мере несколько десятков прекрасных современных пианистов. Но мое чувство и мое рассуждение говорят мне: все-таки Святослав Рихтер первый среди равных. Счастливые соединение мощного (сверхмощного!) духа (глубины, душевной чистоты (целомудрием) и величайшим совершенством исполнения — действительно явление уникального порядка. Любовь, которой он пользуется у самой большой и самой малой, «избранной» аудитории, восторг, который неизменно вызывают его концерты — общеизвестны. Чем же это объяснить, если на минуту допустить, что подобное явление нуждается в объяснении? Повторю более развернуто то, что я сказал выше. Прежде всего его огромной творческой мощью, резким гармоническим сочетанием тех качеств, которые в просторечии называются интеллектом «душой», «сердцем» плюс (и это последнее) его гигантский виртуозный дарование. В его черепе, напоминающем купол Брамante и Микеланджело, вся музыка, вся прекрасная музыка, как младенец как младенец на руках Рафаэлевских мадонн.

Играет ли он Баха или Шостаковича, Ветховена или Скрябина, Шуберта или Дебюсси — каждый раз слушатель слышит как бы живого, воскресшего композитора, каждый раз он целиком погружается в огромный своеобразный мир автора. И все это овоего «рихтеровским духом» пронаизно его неповторимой способностью проникать в самые глубокие тайны музыки!

Так играть может только исполнитель, конгениальный исполняемым авторам, родной и брат их друг и товарищ.

Не могу не пересказать здесь мысли из своей статьи «Композитор-исполнитель», посвященной С. Прокофьеву (прошу прощения за нескромность): бывают замечательные исполнители, которые не проявляют себя творчески, хотя потенциал

но мог бы быть выдающимся композитором, если бы не отдавали всех своих сил исполнительству; они, образно говоря, похожи на женщину, которая могла бы быть прекрасной матерью и иметь чудных детей, но она отказывается от этого, т. к. всю свою любовь, все внимание, все душевные силы отдает чужим детям, приемышам. Признаюсь, что, когда я это писал, я думал прежде всего о Рихтере. Вот где тайна его всеохватывающего дарования. Его собственный музыкальный мир, нереализованный, «нерожденный» мир — родственен миру тех великих музыкантов, которых он играет. Говорю это на основании того, что знаю его детские и отроческие сочинения, слышал его великолепные импровизации.

РИХТЕР, кстати, — не только музыкант, но и талантливый художник, он много рисовал и писал, никогда не учившись профессионально. Некоторые из наших лучших старых художников говорили мне, что если бы он посвятил свою жизнь живописи, то достиг бы в ней того же, той же высоты, какую он достиг в области пианизма.

Упомяну об этом только, чтобы пролить некоторый свет на «тайны» его дарования. Он в такой же степени человек **видения**, как и **слышания**, а это довольно редкое сочетание. Вся музыка для него наполнена образами, подчас весьма оригинальными. Например: о третьей части Второго концерта Прокофьева он как-то сказал: «Дракон пожирает детей» (!). О первой части Шестой симфонии Прокофьева: «индустриализация». И т. д. и т. д.

На днях (это было в за-
доме ученых), слушая после-
доминорной сонаты Гайдна нове-
летты Шумана, я невольно полу-
мал: столько говорят о «стиле»
как будто стиль что-то другое,
чем данное произведение, давший
автор. Стиль — это импрек. Ко-
гда он заиграл Шумана после
Гайдна, все стало другим, — рояль
был другой, звук другой, ритм
другой, характер экспрессии дру-
гой, и так понятно почему: та-
кой был Гайдн, а то был Шуман,
и С. Рихтер с предельной ясностью
сумел воплотить в своем испол-
нении не только облик каждого
автора, но и его эпохи. Вот он —
тот «универсализм», о котором я
писал в моей книжке (о фортепи-
анном искусстве) и который мно-
го представляется высшим дости-
жением исполнительства.

В краткой газетной статье нельзя даже приблизительно охарактеризовать такое громадное явление нашего современного искусства, как исполнительский. Я хотел написать Подвиг, но за колебался — ну, так и быть, напишу — исполнительский подвиг Рихтера.

За время его концертной деятельности он сыграл множество сонат Моцарта; весь «Wohltemperiertes Clavier» И. С. Баха, его сюиты, фантазии, токкаты; множество сонат Бетховена, его ва-

иации, сондо, багатель и другие произведения; Вторую сонату Брамса и «мелочи» (интермеццо и каприччио); сонаты, Симфонические этюды, Юмореску и огромное количество других сочинений Шумана; почти все сонаты Шуберта, его Фантазии до мажор. В репертуаре С. Рихтера широко представлен Шопен (к сожалению, отсутствуют Вторая и Третья сонаты) и С. Прокофьев, С. Рихтер давал целые вечера, посвященные Скрябину, Рахманинову, Чайковскому, Листу. Из концертов он играл Баха, Моцарта, Бетховена, Брамса (особенно незабываемым был Второй концерт си бемоль мажор), Шумана, Грига, Франка, Рахманинова, Чайковского, Глазунова, Римского-Корсакова, Листа, Сен-Санса, Бартока. А прелюдии и фуги Шостаковича, сонаты и Поэмы Шимановского, незабываемые «Картинки с выставки» Мусоргского? Невозможно все перечислить!

Я и многие другие имели счастье слышать, как он в домашних обстановке разыгрывал оперы Вагнера, Чайковского, Р. Штрауса, Дебюсси, Шрекера, симфонии Малера, Н. Мясковского и т. д. Это «музичество» производило на меня чуть ли не большее впечатление, чем его концерты. Какой дирижер пропал, не высказался! Мое страстное желание, моя надежда, что он еще когда-нибудь обрадует нас симфониями, увертюрами, операми — кому же дирижировать, если не ему!

Он обладает в высокой степени тем, что обычно называю чувством формы, владением временем и его ритмической структурой. Соразмерность, гармония, идущая из самых глубин классического мироощущения гармония (да простится мне чуть ли не эллинского происхождения — вот в чем главная его сила, главное качество, заставляющее так мечтать о том, чтобы он дирижировал. Его редчайшее умение охватить целое и одновременно воспроизвести малейшую деталь произведения внушает сравнение с «орлиным глазом» (зрением, взором) — с огромной высоты видны безграничные просторы и одновременно видна малейшая мелочь. Перевами величественный горный массив, но виден и жаворонок, поднявшийся к небу...

* * *

БЫТЬ может, кто-нибудь скажет, прочтя мою заметку, ишь как учитель расхваливает своего ученика (Рихтер учился меня в молодые годы)! Я должен рассеять недоразумение. Я не горжусь Рихтером, как своим учеником, я мог бы в крайнем случае гордиться тем, что, выбрав учителя, он остановился на мне грешном. Для таких талантов, как Рихтер, не так уж существенно, у кого они учились.

Одно могу сказать с уверенностью: я до конца моих дней буду не только восхищаться Святым словом Рихтером, но и учиться у него.

Генрих НЕЙГАУЗ.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ
О СВЯТОСЛАВЕ РИХТЕРЕ

Действительно ли он так хорошо, как говорят? — задаст вопрос читательский журнал «Тайм» и заявит:

«Ответ был дан, когда... в переполненном зале консерватории в Хельсинки знатоки музыки услышали игру знаменитого пианиста... И ответ был так быстро. Не дожидаясь, когда смолкнут приветственные аплодисменты, знаменитый пианист начал играть павильон Бетховена, и почти с первых аккордов публика и критика почувствовали, что они слушают одного из величайших пианистов мира, который достиг вершины исполнительного мастерства...».

А вот отзывы финской печати в связи с выступлениями советского пианиста в Хельсинки в мае с. г. «Казалось, сам Бетховен сидел за роялем», — писала «Ууси Суоми». Он не только придерживается «классического» направления, но сумел «осветить и разнообразить его». «Для нас легенда стала явью...» — заявила газета «Хельсинген саномат». — Его игра в любой момент — подлинная игра, истинное воссоздание. В толковании Рихтера говорит сам композитор-гигант, поражающий своей первобытной силой...».

Давая общую оценку выступлениям «Мастера клавира», газета «Маананса» подчеркивала: «Мис-

несомненно, единомышленны в том, что Рихтер — самый необыкновенный из нас пианистов, когда-либо выданных нами раба».

По словам другой финской газеты, «Рихтер притягивал иностранных импресарио и известных представителей фирм грамзаписи так же, как мед притягивает пчел».

Отмечая заслуженный успех советского музыканта, финская общественность говорит, что она вновь наглядно убедилась, на каком высоком уровне стоит советская музыкальная и духовная культура, и что знакомство с этой культурой помогает крепить дружбы и сотрудничества.

Святослав Рихтер за последние годы за пределами нашей страны. Вот что писал в марте с. г. в связи с концертами пианиста румынский композитор Михаил Жюна в еженедельнике «Контемпоранулу»: «Немного явления могут быть причиной глубоких переживаний... Но в один прекрасный день, когда в твою жизнь с силой пронизывает трепет; когда его ум и тело охватывает некая зная радость... Такой комплекс переживаний владет аудиторией

Этот человек, несмотря на поразительную виртуозность, использует всю гигантскую силу своего артистического темперамента, восприятия и фантазии для передачи живого образа исполняемого произведения, которое он отнес к высшему уровню совершенства исполнения, которое следует из этого синтеза, заставляет аудиторию в свою очередь полностью отдаваться тому, что вновь воссоздает произведение искусства, созданных десятии и сотни лет назад.

Шопен, Бетховен и Рихтер сливаются воедино, и мы не можем различить, до какого момента.

«Все французская музыкальная общечественность горячо и с нетерпением ожидала исполнения произведений Шопена Святославом Рих-

тером, писал в февралье с. г. в «Гудебны розгледы». Ярослав Пиранек. — И оцкидала с полным правом, учитывая бесспорно гениальное фортепьянное искусство Рихтера и заслуженную славу, которой пользуется, уже давно у нас, этот великий музыкант. И в конце. Наконец показал, что этюды Шопена близки и понятны теоретической натуре Рихтера, что он умеет проникнуть в тайну их художественного замысла и ощутить его, донести до слушателей...»

Западная музыкальная общественность отмечает, как истинно и глубоко, пианист, записанную на пластинки. Так, Игорь Масловский пишет в английском журнале «Рикордс энд ринординг»: «Это пианист, которого в нашей стране, где он выступал, считают величайшим из современных пианистов, своего рода легендарной фигурой, имеющей достойную репутацию».

В переписке на записи в исполнении С. Рихтера концертов для фортепьяно с оркестром — до минор. Моцарта и Платого (соль мажор. ор. 55) С. Прокофьева И. Масловский пишет:

«Хотя мы еще не имели возмож-

ности услышать Рихтера лично, небольшие число его записей, вышедших до сих пор. А Дили, полностью подтверждает слухи о его почти легендарной игре...

Самое собой разумеется, что техника Рихтера абсолютно безупречна, но что может удивить каждого, кто его слушает впервые, — это полнота и красота тона, который он создает. Его фразировка — такое открытие... Чувство ритма у Рихтера такое, что темп кажется абсолютно правильным в каждом случае...».

Говоря о Пятом концерте С. Прокофьева, автор рецензии указывает: «Я не представляю другого, более замечательного и более убедительного исполнения Рихтера».

В том же журнале дается блестящая оценка исполнению С. Рихтером ряда пьес Листа, Шуберта и Шопена. Так, например, об исполнении Эксперимта ми бемоль мажор Шуберта написано: «...нужно быть сделанным из камня, чтобы не предаться очарованию и непосредственности его трактовки этого произведения».

Артистом, «который, бесспорно, принадлежит к великим», называет С. Рихтера Джон Уарран — критик английского журнала «Грамофон», а рецензент французского журнала «Диск» Р. Акетан — «лучшим пианистом в мире».